

К 95-летию А.И. Солженицына

Людмила Сараскина

М.М. Бахтин: «Они не простят ему “Архипелага”...»

«Бахтина нужно высоко превознести как творца —
но не нужно приписывать ему достижений исследователя.
Философ в роли филолога остается творческой натурой,
но проявляет он ее очень необычным образом.
Он сочиняет новую литературу, как философ — новую систему».
М.Л. Гаспаров¹

Книга М.М. Бахтина «Проблема поэтики Достоевского» (М., 1963) была едва ли не первым капитальным филологическим изданием в моей личной библиотеке в бытность мою студенткой. Но еще прежде, чем обзавестись — после долгой и упорной охоты — заветным синим томиком (у счастливых было и первое, раритетное, издание книги 1929 года), я сделала подробный конспект с библиотечного экземпляра. Расчертив толстенную общую тетрадь, сохранившуюся у меня по сей день, я почти каллиграфически воспроизвела разделы, главы и параграфы книги, которую считала фундаментом всей науки о Достоевском. Настольной книгой достоевковедения бахтинские «Проблемы поэтики» были к тому времени уже давно и прочно. Филологи, особенно те, кто пытался как-то обойти официальную идеологию и марксистско-ленинскую методологию с ее жестким классовым подходом ко всему живому и нестандартному, установили настоящий культ Бахтина.

Это была и философская база, и словарь научных терминов, и перст, указующий — в какие стороны следует двигаться уму и сердцу, и перечень приоритетных тем. Это были загадки с отгадками, задачи с решениями и ответами в конце книги, ребусы и кроссворды. Это было нечто надежное и несомненное, нечто, дающее гарантию правильности выбранного вектора и курса, — то, в чем нуждалась душа. Красота и привлекательность книги Бахтина была и в аромате какого-то ее безоглядного фрондерства; в ней — в ее языке, в характере построения фраз, в интонациях — ощущался воздух свободы и несоединимости с официозом. Словом, эта книга и имя ее автора были паролем для посвященных, знаком их сопричастности высокой тайне. Казалось, нужно только как следует изучить дух и букву этой необыкновенной книги, а потом применить их к любому тексту Достоевского, и поэтика его великих романов станет нотной грамотой, ключом к прочтению.

Потом наступило время переоценки ценностей, какое всегда случается при безоглядной увлеченности ученым кумиром, и в какой-то момент тексты Достоевского при ближайшем и буквальном рассмотрении перестали откликаться на философское учение Бахтина, а порой — пытались даже бунтовать против его теоретических построений. Затем пришло еще и другое время, когда литературоведческое буквоедство стало меня волновать куда меньше, чем живая жизнь литературы и ее великих создателей.

К тому же литературоведение последних двадцати лет показало себя как жанр холодный, бездушный и лишенный не только *всемирной*, но даже и *локальной* отзывчивости: страна рушилась, государство распадалось, происходили гигантские перемены в судьбе соотечественников (можно представить, как бы на все это реагировал Достоевский!), а наука о нем оставалась, как правило, глуха и нема, как будто участь миллионов людей ее никак не касается, как будто этот тектонический сдвиг не налагает на нее никакой ответственности. Литературоведение — так мне казалось — не приняло брошенный ему вызов, не подняло перчатку времени. Напротив, продолжало презрительно твердить, что «публицистика» (то есть попытки актуализировать разговор о русской литературе критического реализма) есть жанр низкий, ненаучный, почти что подлый. Но как же тогда быть с публицистикой Пушкина, Достоевского, Толстого? Неужто после их публицистических опытов жанр этот не оправдал себя на веки веков?

Тогда-то и захотелось мне вырваться из плена наукообразного нарратива на вольную волю, сбросить с себя цепи метода, каким бы он ни был, каким бы глобальным и всеохватным ни казался. И тут я вновь, уже другими глазами, смогла увидеть феномен философствующего филолога М.М. Бахтина — теперь уже в его высоком человеческом измерении.

1

Драматические обстоятельства жизни А.И. Солженицына, в частности, попытка брежневско-андроповского режима физически устранить лауреата Нобелевской премии по литературе 1970 года, вызвали у филолога-мудреца, философа-провидца М.М. Бахтина взволнованную и тревожную реакцию.

Он и сам много претерпел от ранних предшественников шефа КГБ Андропова — в 1928 году был вместе с другими ленинградскими интеллигентами арестован как участник группы «Воскресенье» (этот религиозно-философский кружок был создан в 1917 году философом А.А. Мейером в продолжение традиций Религиозно-философского общества) и обвинен в контрреволюционной деятельности. Бахтин был приговорен к пяти годам Соловецкого лагеря, от которого его спасла вышедшая накануне та самая фантастическая книга «Проблемы творчества Достоевского», изданная в ГИЗе; благодаря хлопотам жены и друзей лагерь был заменен на пять лет ссылки в Кустанае.

После окончания ссылки М.М. Бахтину было запрещено проживать в крупных городах — он учительствовал в Кимрах, преподавал в Саранске; его диссертация о творчестве Франсуа Рабле, представленная в ВАК, вызвала идеологическую критику и была напечатана лишь четверть века спустя. Крупнейший мыслитель XX века, он вынужден был публиковаться «под маской», пользоваться псевдонимами и в течение тридцати лет почти не издавался. Только в начале 1960-х благодаря группе единомышленников-филологов, признавших его своим учителем (С.Г. Бочарову, Г.Д. Гачеву, В.В. Кожинову, В.Н. Турбину), М.М. Бахтин был возвращен в научное пространство

страны, смог переехать из Саранска в Москву, издать свою книгу о Франсуа Рабле, переиздать в новой редакции книгу о Достоевском («Проблемы поэтики Достоевского»²), подготовить сборник статей.

«Мы считаем Достоевского одним из величайших новаторов в области художественной формы, — писал Бахтин в предисловии к книге о Достоевском. — Он создал, по нашему убеждению, совершенно новый тип художественного мышления, который мы условно назвали п о л и ф о н и ч е с к и м . Этот тип художественного мышления нашел свое выражение в романах Достоевского, но его значение выходит за пределы только романного творчества и касается некоторых основных принципов европейской эстетики. Можно даже сказать, что Достоевский создал как бы новую художественную модель мира, в которой многие из основных моментов старой художественной формы подверглись коренному преобразованию»³.

Исследование Бахтина о Достоевском стало этапным, если не сказать эпохальным, в изучении творчества великого русского писателя и философской базой для исследований его философии и эстетики.

«Наш общий учитель»⁴ — так называл Бахтина С.С. Аверинцев.

Высказывания М.М. Бахтина, работы которого в области философии и филологии ныне считаются классическими, его мнения о двух классиках русской литературы XIX и XX веков, Достоевском и Солженицыне, сопоставление этих писателей по личностным, мировоззренческим, эстетическим критериям, по масштабу их судеб и дарований, не просто авторитетны, они выстраданы и оправданы собственной жизнью ученого.

2

...Летом 1971 года А.И. Солженицын отправился из Москвы на юг России, по местам детства, собирать материалы для Узлов «Красного Колеса», связанных с его семейной историей. 7 августа вместе с товарищем, А.А. Угримовым, они выехали на машине, 8-го утром были в Новочеркасске. А.И. чувствовал себя отлично, друзья гуляли по городу, побывали в Вознесенском войсковом кафедральном соборе, заходили в магазины. Внезапно среди дня у Солженицына стала сильно болеть кожа по всему левому боку. К вечеру, а особенно к утру 9 августа, ему стало совсем плохо — что-то вроде сильного ожога распространилось по всему левому бедру, левому боку, по животу, спине, ногам в виде множества отдельных волдырей; самые крупные достигали пятнадцати сантиметров в диаметре. В одной из поликлиник Новочеркаска больному прокололи несколько волдырей, но на их месте тут же открылись кровавые раны. Сначала путешественники надеялись продолжить поездку, но состояние больного резко ухудшилось, и на станции Тихорецкой Угримов посадил Солженицына в московский поезд. По дороге А.И. дал телеграмму домой, и утром 12 августа он был встречен на Курском вокзале своей тещей Е.Ф. Светловой и их общим другом, А.М. Горловым.

Больной действительно был очень плох, огромные водяные пузыри лопались при малейшем движении, причиняя страшную боль. Вначале семья

решила, что случился эффект теплового удара — А.И. ехал в машине при работающей печке, не отключавшейся по причине неисправности, а жара стояла плюс 35 градусов. Г.П. Вишневская, видевшая писателя в то утро, писала позже: «Что это? Он не идет, а еле бредет, всем телом наваливаясь на стену веранды, держась за нее руками. У меня внутри все оборвалось... То, что с ним тогда произошло, для меня и до сих пор является загадкой. Ноги и все его тело покрылось огромными пузырями, как после страшного ожога. На солнце он не был. Несколько раз вышел из машины поесть в столовке... А может, подсыпали в еду что-нибудь?..»⁵ (Г.П. Вишневской суждено будет остаться единственным на тот момент человеком, кто заподозрил искусственный насильственный характер болезни).

К больному вызывали частных докторов и профессоров-дерматологов, доставали разные мази, давали обезболивающие лекарства, снижали температуру, обрабатывали кожу антисептиками, накладывали повязки, делали горячие ванны. В течение всей болезни за ним ухаживала жена. «Первые недели были особенно мучительны, невыносима была даже легкая простыня, покрывающая ожоги... Боль вызывало даже движение воздуха при открывающейся двери. Ни один из врачей, лечивших А.И., не понимал происхождения этих ожогов, и ни одна из выписанных ими мазей не помогала. В конце концов справился сам организм, выздоровление тянулось медленно и длилось долго»⁶.

Николай Алексеевич Жуков — доктор-дерматолог, впервые посетивший больного 23 августа 1971 года, вспоминал: «Клиническая картина поражения кожи напоминала ожог второй степени. Поражал обширный отек левого бедра. Дермографизм оказался красным, быстро переходящим в белый, стойкий. Кожа как зеркало отражала сильную перевозбудимость сосудосуживающих нервов и как бы “кричала”, что лечить ее необходимо теплом — общим или местным, сухим или влажным. Тогда я установил диагноз: “распространенная аллергия”, осложненная вторичной стрепто-стафилококковой инфекцией»⁷. Немного помогали горячие ванны, после которых стихала боль, а волдыри уменьшались и подсыхали. Мазь Конькова (свежий мед, жир, риванол, березовый деготь) снимала зуд и уменьшала жжение.

Ни доктора, ни потерпевший, ни его близкие не могли даже приблизительно предположить, откуда взялась эта напасть. Только через двадцать с лишним лет подробное описание т. н. «аллергии», взятое из дневниковых записей доктора Жукова, будет однозначно квалифицировано специалистами по лечению острых отравлений: «Данные симптомы характерны для кожного отравления ядом рицинином, который содержится в клещевине (турецкая конопля). При попадании яда рицинина под кожу через несколько часов возникает сильный озноб, резко повышается температура, характерны слабость и головная боль. В месте попадания яда появляются отеки и волдыри. В течение нескольких дней могут развиваться глубокие язвенно-некротические изменения не только кожи, но и тканей, вплоть до костей. Язвы плохо

поддаются лечению, заживление может длиться год, два, три. Смертельный исход неизбежен при попадании под кожу около трех миллиграммов рицинина»⁸.

3

Итак, *яд*. Все разъяснилось, когда в 1992 году отставной подполковник Управления КГБ по Ростовской области Борис Александрович Иванов привез в Москву свои показания и отдал их, прежде промолчав двадцать лет, в газету «Совершенно секретно». «В нашу область с неизвестной целью едет писатель Солженицын. Товарищ из Москвы прибыл к нам в связи с этим тревожным обстоятельством»⁹, — услышал Иванов, тогда еще майор, в кабинете своего начальника в августовские дни 1971 года. Выполняя полученные инструкции, майор, московский гость («шеф») и еще один незнакомый оперативник должны были неотступно следовать за «объектом» по его маршруту, проверять его контакты и связи.

Писателя настигли в Новочеркасске. Наружное наблюдение держало Солженицына мертвой хваткой; офицеры, сидевшие в машине, получали по рации сведения каждые 5–10 минут. Наконец, поступило сообщение, что «объект» находится на центральной улице города, заходит в магазины. «Чуть погода “объект” с приятелем вошли в крупный по новочеркасским меркам гастроном. Следом — мы. Таким образом, мы все оказались в одном замкнутом пространстве. “Незнакомец” буквально прилип к “объекту”, который стоял в очереди кондитерского отдела. “Шеф” прикрыл “незнакомца”. Они стояли полубоком друг к другу, лицом к витрине. “Незнакомец” манипулировал руками возле “объекта”. Что он там делал конкретно, я не видел, но движения рук, одетых в перчатки, и какой-то предмет в одной из них, помню отчётливо. В любом случае, рядом со мной, в центре Новочеркасска, происходило что-то непонятное для меня. Вся операция длилась две-три минуты. “Незнакомец” вышел из гастронома, лицо “шефа” преобразилось, он улыбнулся, оглядел зал, увидев меня, кивнул и направился к выходу. Я последовал за ним. На улице “шеф” тихо, но твёрдо произнес: “Всё, крышка. Теперь он долго не протянет”. В машине он не скрывал радости: “Понимаете, вначале не получилось, а при втором заходе — всё о’кэй!”»¹⁰.

Эпизод в гастрономе уже не казался майору Иванову странным и непонятным — смысл операции дошел до него, когда все было закончено. «Это был финал задуманного высшим карательным органом страны преступления против великого писателя-диссидента. Что я мог сделать? Оставалось только молчать — единственный вариант сохранить жизнь себе и своей семье»¹¹.

Потом будут гадать, как же это Солженицын остался жив? То ли задание было выполнено кое-как, то ли «объект» дернулся, и под кожу попала меньшая доза токсина, то ли яд, привезенный из Москвы, потерял в дороге свои свойства, то ли организм потерпевшего оказался сильнее яда, то ли случайно (сам того не ведая) больной съел некий продукт, содержащий противоядие рицинину. И выжил, хотя планировалась именно «крышка». «Мы попали в

Новочеркасский собор, — вспоминал А.И., — в день Пантелеймона-целителя. Я молился ему, и через полчаса меня укололи. Думаю, это он меня защитил, и яд не причинил того вреда, на который рассчитывали отравители»¹².

Кто-то очень большой в лубянском ведомстве дал команду использовать яд для расправы с Солженицыным и вынес ему смертный приговор. К счастью, приговор не был приведен в исполнение — исполнители то ли ошиблись, то ли промахнулись.

4

Вернемся к началу 1970-х. Доктор Жуков познакомился с М.М. Бахтиным спустя два года после эпизода отравления, в начале августа 1973-го, когда начал лечить больного ученого после ампутации левой голени, от тяжелого рожистого воспаления культи и жестоких фантомных болей в ней. «Я слышал, вы были лечащим врачом Солженицына и помогли ему?»¹³ — спросил М.М. после первых же врачебных процедур и, не дожидаясь ответа, тотчас же заметил, что сам он никогда в жизни не встречался с этим «удивительным человеком и писателем», но вот уже много лет питает к нему глубочайшие симпатии собрата по перу, внимательно следит за его творчеством и дальнейшей, как он отметил, «сугубо необычайной судьбой».

Доктор Жуков вкратце рассказал Бахтину об онкологическом заболевании Солженицына начала 50-х, о странном случае тяжелого кожного заболевания лета 1971 года и о том, что писатель время от времени заходит к нему на прием, в институт. «Согнувшись всем корпусом к столу, Бахтин заметно приблизился ко мне и, почти перебив беседу на полуслове, спросил, когда я видел Солженицына последний раз? Где видел? Какое впечатление произвела эта встреча на меня как на врача?»

«Что слышно о Солженицыне? Не встречались ли вы с ним?» — взволнованно интересовался Бахтин почти при всякой встрече. Когда Жуков осведомился как-то, нет ли у М.М. желания прочесть интервью, которые Солженицын давал западным корреспондентам, Бахтин настоятельно просил об этом. Сам он ко времени знакомства с Жуковым был прикован к своему рабочему кабинету, не выходил из дому, будучи отсечен даже от телефона, который находился в прихожей; его мучили сильные боли, 10–12 таблеток седалгина в сутки лишь временно облегчали его страдания. Доктор Жуков рассказал своему пациенту, что 15 сентября писатель был у него на приеме, в институте, на ул. Горького, в добром здоровье, воинствующем и творческом настрое, и проживает на летней даче, продуваемой ветрами в такую промозглую и холодную слякоть, так как на квартире жены в центре Москвы власти упорно отказываются его прописать.

«Словно в каком-то оцепенении, напрягая слух и зрение, воспринимал Бахтин известия о бытии Солженицына, затем, медленно подбирая слова, поделился своими опасениями, связанными не столько с пребыванием Солженицына на летней даче, сколько с “другими непредвиденными опасностями”... Он также сказал, что подмечает некоторое сходство характеров,

судьбы, таланта Солженицына с Достоевским. Отметил также и противоположности в их творчестве, художественности отображения эпохи, ее героев, разности языка эпох, которым изъясняются их герои...

Признаюсь, далеко не всё, высказанное Бахтиным о творчестве Достоевского в сравнении его с Солженицыным, было зафиксировано моей утомленной памятью или понято именно так, как это понимал М.М. Причиной тому — моё предубеждение к Достоевскому как к писателю, навязывающему читателю страшные сцены убийства, самоубийства, тяжкие психические переживания о содеянном и прочие вывихи человеческой психики. Однако я признавал важность запоминания высказанного собеседником. Не терпелось взяться за перо и записывать... К сожалению, я не сделал этого, так же как не повернулся язык мой признаться Бахтину, что не люблю, вернее боюсь и читать обожаемого им писателя. Что мне более импонируют книги о жизни и творчестве Достоевского, чем его произведения».

Доктор Жуков, боясь показаться полным невеждой, пытался обратить внимание собеседника на обоюдно противоположное отношение Достоевского и Солженицына к современной печати. Первый был страстным почитателем ее, второй — (по собственному наблюдению) — непримиримым ненавистником. Однако М.М. Бахтин оправдывал и того, и другого, отмечал лишь, что отношение к печати зависело не от разности характеров писателей, а от разности самой печати. «Не сравнивайте нашу печать с дореволюционной времен Достоевского! С октября семнадцатого года она становилась всё уже, субъективней, сугубо партийной. Я вполне понимаю и оправдываю Солженицына в его неприязненности к современной иллюзорной печати».

Чем дальше в осень 1973-го, тем сильнее ощущалась обеспокоенность Бахтина за судьбу Солженицына. Именно за судьбу, а не за здоровье: мысль о «насильственном изменении его трагической судьбы» преследовала ученого: «Они непременно заставят его замолчать! Непременно!.. Только еще трудно угадать, что уготовано ему». Начало 1974 года дало этому беспокойству новую пищу — доктор Жуков пытался предугадать хоть за неделю, хоть за день удар Дамоклова меча, нацеленного на Солженицына, тем более, что еще 8 ноября писатель предупредил доктора о неминуемости крутого поворота судьбы. (Напомню, что с сентября глубоко конспиративно в Париже готовилось и в конце декабря 1973 года вышло первое издание «Архипелага ГУЛАГ» на русском языке. Это станет абсолютной мировой сенсацией, и советские власти немедленно начнут процесс ареста и высылки писателя). Все это время Бахтин внимательно просматривал газеты и выслушивал сообщения по радио обо всем, что касалось Солженицына, и постепенно приходил к выводу (убеждению), что над Солженицыным нависла угроза жестокой расправы...

«Какая именно? — размышлял Бахтин. — Трудно предугадать!.. Но об этом все чаще упоминают не только советские газеты и радио, но и опубликованные из иностранных газет высказывания...» Бахтин отмечал удивительную стойкость Солженицына в открытой борьбе со злом и

несправедливостями, творимыми в стране, его готовность к самопожертвованию. Бахтин утверждал, что не знает подобного литературного образа, схожего с Солженицыным, не только в отечественной, но и в мировой литературе.

5

Как известно, 12 февраля 1974 года Солженицын был арестован, препровожден в Лефортово и на следующий день, 13-го февраля, выслан из страны. Спланированная Андроповым операция была расписана по дням и по часам. 13 февраля, не позднее 17 часов по местному времени, Солженицын должен быть доставлен рейсовым самолетом во Франкфурт-на-Майне. С момента его выхода из самолета советские представители уже не должны участвовать в акции — это было условие руководства Западной Германии. Значит, решала Москва, 11 февраля Прокуратура возбуждает уголовное дело. 12-го принимается Указ о депортации. В тот же день осуществляется арест: арестованного доставляют в тюремный изолятор. Напомню, как звучал секретный документ: «Имеется в виду при этом не отпускать Солженицына домой, а днем 13 февраля объявить ему Указ Президиума Верховного Совета и через несколько часов осуществить выдворение. Все это важно сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, Солженицын может догадываться о наших замыслах и выступить с публичным документом, который поставит как нас, так и Брандта, в затруднительное положение. Если в последнюю минуту Брандт, несмотря на все его заверения, по тем или иным причинам изменит свое решение, то Солженицын остается под арестом и по его делу прокуратура ведет следствие»¹⁴.

У Андропова были в запасе считанные дни — если бы до 15 февраля высылка не состоялась, альтернативная линия в Политбюро взяла бы верх. Судьба Солженицына висела на волоске: была реальная угроза суда и сурового приговора: Якутия, абсолютный полюс холода, смертельная Верхоянская ссылка.

Доктор Жуков был у Бахтина только полтора месяца спустя, 24 марта. Конечно, зашел разговор о событиях, связанных с судьбой Солженицына. Жуков подробно рассказал обо всем, что знал от очевидцев ареста, жены Солженицына, о вторжении гебистов, о том, как люди в штатском сломали замок входной двери квартиры, о прощании писателя с семьей, о заготовленном узелке (понятно было, что А.И. ждал и готовился к самому худшему).

«И вдруг на строгом лице Бахтина я заметил навернувшиеся крупные градины слез. Захваченный переживаниями недавних событий, сам М.М., вероятно, не замечал слез, или, опасаясь пропустить какую-нибудь деталь, связанную с арестом Солженицына, терпел их... Никогда ранее я не видел слез на лице Бахтина. Даже тогда, когда он вдруг замолкал, прекращая разговор, и начинал усиленно с гримасой боли на лице растирать культю. Высказывая мнение об аресте и выдворении Солженицына за границу, М.М. отметил, что это не так жестоко (могло быть и хуже), если бы Солженицына выдворили не на

Запад, а этапом отправили на восток или на север, в один из лагерей». Действительно, только в 1990 годы из секретных досье ЦК КПСС и КГБ СССР станет известно, что в выборе наказания для автора «Архипелага» Политбюро расколосось и что четверо членов Политбюро — Косыгин, Подгорный, Шелепин и Громыко — настаивали на следствии, суде и высылке в Якутию, в Верхоянск, откуда за сто лет политической ссылки не было ни одного побега. Протоколы показывают, как рассуждали партийные бонзы: иностранные корреспонденты туда за писателем не поедут, и возврата ему оттуда не будет.

Бахтин говорил, что такие люди, как Солженицын, в изгнании не благоденствуют. Лихо там познается чужой хлеб и крутые лестницы. Он был уверен, что Солженицын, несмотря на тягость положения изгнанника, создаст новые произведения, достойные своего народа, используя богатую историческую документацию, хранящуюся в архивах Запада. «Залог тому — удивительная воля, железный характер и талант писателя... И до Солженицына крупные русские писатели, живя подолгу за границей, Гоголь, Тургенев, Достоевский, создавали прекрасные произведения о России. Этот путь по разным причинам прошли не только писатели, но и публицисты, поэты, философы... Не удивительно, что Система так настойчиво клеймит и фальсифицирует все произведения и добрые начинания и намерения Солженицына, выдавая их за злобствующие и продолжая тем самым скрывать совершенные ею преступления».

Узнав от доктора Жукова, что через несколько дней семья Солженицына уезжает вслед за ним в Швейцарию (это было 29 марта), Бахтин неожиданно попросил передать Солженицыну низкий поклон от его имени, имени Бахтина. Сказать ему спасибо за все, что писатель сделал для родной литературы. «Не время еще судить, какую глыбу своротил он в литературе... Время будет судьей... Я же представляю его величиной формата Достоевского!! Последние фразы, — вспоминал доктор Жуков, — Бахтин произнес совсем не по-бахтински весомо и размеренно, а заметно повышенным срывистым голосом с металлом в горле, и глаза его опять блеснули влагой».

Просьба Бахтина была через доктора Жукова передана адресату в Цюрих. 19 апреля доктор и его пациент встретились вновь. Жуков рассказал Бахтину последние новости о пребывании изгнанника в Швейцарии. Бахтин снова высказал серьезные опасения — теперь в связи с жизнью писателя за границей. «Они не простят ему “Архипелага”... Они убьют его... Они непременно убьют его!..»

«Убедительное мнение ученого ошарашило меня. А когда я попытался выяснить, на чем оно основано, в упор спросил меня, известна ли мне история трагической гибели Л.Д. Троцкого. И получив отрицательный ответ, коротко поведал мне историю трагической гибели его в Мексике в 1940 году. Немало удивил меня собеседник рассказом об организации убийства Троцкого, в присутствии помощницы М.М. В нашем запуганном обществе подобные разговоры происходят только в сугубо узком кругу не более двух человек,

полушепотом из уст в уста».

6

Сейчас, спустя сорок лет, вызывает удивление и другое обстоятельство: М.М. Бахтин совершенно точно угадал ход мысли властей. Цитирую протокол Заседания Политбюро ЦК КПСС от 7 января 1974 года под председательством Л.И. Брежнева. «Совершенно секретно. Экземпляр единственный. Рабочая запись»:

«АНДРОПОВ. Я считаю, что Солженицына надо выдворять из страны без его согласия. В свое время выдворили Троцкого из страны, не спрашивая его согласия.

БРЕЖНЕВ. Очевидно, сам Солженицын такого согласия не даст.

ПОДГОРНЫЙ. Найдется ли такая страна, которая без согласия примет его к себе?

БРЕЖНЕВ. Надо учитывать, что Солженицын даже не поехал за границу за получением Нобелевской премии.

АНДРОПОВ. Когда ему предложили поехать за границу за получением Нобелевской премии, то он поставил вопрос о гарантиях возвращения его в Советский Союз. Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Он пытается создать внутри Советского Союза организацию, сколачивает ее из бывших заключенных. Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя. Его сочинение “Архипелаг ГУЛАГ” не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно. У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов. В общем, сотни и тысячи людей, среди которых Солженицын будет находить поддержку. Сейчас все смотрят на то, как мы поступим с Солженицыным, применим ли мы к нему санкции или оставим его в покое»¹⁵.

Планировало ли советское правительство решить судьбу выдворенного Солженицына так же, как это было сделано с Троцким, сказать трудно. По сведениям КГБ, оперативные разработки на «Паука» (кличка Солженицына из секретных документов), все 105 томов, которые могли бы дать ответ на этот вопрос, сгорели в лубяньских печах в 1990 году, «за отсутствием к ним исторического интереса» (такой ответ на запрос газеты «Совершенно секретно» пришел редактору в 1992 году).

Однако М.М. Бахтин чувствовал, что такая опасность Солженицыну угрожала, ибо была в логике режима и его методов. «Он, как и всякий честный художник, мучается, открыто критикует глубокие пороки общества, мучительно ищет и предлагает на суд, как ему кажется, более совершенные, более демократические формы этого общества... Солженицын прежде всего художник, а не философ! Художник, создающий правдивую историю России! Историю русской революции... Но, к сожалению, предложенное им обновление современного общества отдает библейским звучанием и основано на

отживающей религиозной почве... Другое дело, предложения академика Сахарова!.. В его предложениях чувствуется маститый ученый с глубоким знанием вопросов экономики!..»

Так запомнил слова ученого доктор Жуков. Бахтин, который и в молодости не связывал свою мысль с метафизикой и религиозной философией, прозванный в среде философов русским неокантианцем, до конца жизни пытался создавать *нравственную философию*. Как известно, ученый в своих работах о Достоевском почти не касался вопроса о мировоззрении писателя, ограничиваясь беглыми упоминаниями о его «религиозно-идеалистической утопии». Высказывание о Солженицыне в приватной доверительной беседе могло означать, что не только по цензурным соображениям Бахтин оставляет в стороне религиозность Достоевского — он и в самом деле ощущал недостаточность любого, не только политического монологизма. Поэтому Солженицын и в этом пункте воспринимается Бахтиным писателем *формата Достоевского*, писателем, религиозные воззрения которого — есть нечто отжившее, устаревшее.

Впрочем, Бахтин как философ и мыслитель не поддается простому истолкованию, и уже давно сложилась традиция иного его прочтения. Приведу только один пример — воспоминания Г.Д. Гачева 1992 года: «Книга Бахтина о Достоевском — религиозный трактат, где главная проблема — Я и Бог. В роли Бога — автор, в роли Я — герой. Он поставил их на равных; сделав героя автором своего сознания, он возвысил потенцию и мощь человека. Это, конечно, богочеловеческий трактат в литературоведческой форме. Литературоведам его трудно раскусить, он темен. Я нашел ключ, простой, но точный, — личность человека, его отношение к Богу решаются через анализ проблематики автора и героя, через полилог разных сознаний»¹⁶.

И последнее. В 1964 году Г.Д. Гачев задумал написать историю совести. «Я ее не написал, но затеял. Я приехал к нему (М.М. Бахтину. — Л.С.), изложил несколько идей и попросил высказать его отношение. Выслушав, он заметил: “А на что вы обопрете совесть? Для меня такой опорой — Бог”. И на мое молчание добавил: “Ну что ж, пишите, как будто бы совесть была последней инстанцией. Так тоже неплохо». То есть, понял тогда Г.Д. Гачев, можно все же искать истину, опираясь на *предпоследнее основание* — совесть: если у вас нет другого постулата, и этот постулат неплох¹⁷.

Для снисходительного, благожелательного М.М. Бахтина, понимавшего каждый голос как некую абсолютную ценность, попытку и опыт, оба писателя — и Достоевский, и Солженицын — несомненно были художниками, которые искали истину, опираясь не на предпоследние, а на последние, краеугольные основания, как бы неоднозначно сам Бахтин к таким опытам ни относился.

- ¹ *Гаспаров М.Л.* История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX—XXI веков: Проблемы теории и методологии изучения: Материалы международной научной конференции. М., 2002. С. 11.
- ² *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: Советский писатель, 1963. 364 с.
- ³ Там же. С. 3.
- ⁴ *Аверинцев С.С.* Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7.
- ⁵ *Вишневская Г.П.* Галина. История моей жизни. М.: Горизонт; Слово. 1990. С. 574.
- ⁶ Цит. по: *Сараскина Л.И.* Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 657.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 658.
- ⁹ *Иванов Б.А.* Москва — Ростов или КГБ против Солженицына. Воспоминания чекиста // *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. Приложение 46. М.: Согласие, 1996. С. 676.
- ¹⁰ Там же. С. 683.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Цит. по: *Сараскина Л.И.* Солженицын. С. 659.
- ¹³ *Жуков Н.А.* «Они убьют!.. Они непременно убьют его!..» (Из воспоминаний о М.М. Бахтине [1978 г.]) // Диалог, карнавал, хронотоп. Журнал научных изысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М.М. Бахтина. Витебск: изд-во Витебского Государственного Педагогического Института. 1994. № 3. С. 98–128. Далее воспоминания доктора Жукова цитируются по этому источнику.
- ¹⁴ Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М.: Родина, 1990. С. 445.
- ¹⁵ Там же. С. 353.
- ¹⁶ См.: Диалог, карнавал, хронотоп. Журнал научных изысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М.М. Бахтина. Витебск: изд-во Витебского Государственного Педагогического Института. 1993, № 1 (2). С. 106.
- ¹⁷ Там же. С. 107.